

СТРОКИ ДОБЫТЫЕ В БОЯХ

Строки,

Юности
838322
41 год

ДОБЫТЫЕ В БОЯХ

*Поэзия
военного поколения*

Николай Петрович Майоров родился в 1919 году в Иванове в семье рабочего. Окончив школу, поступил на исторический факультет Московского университета, а с 1939 года стал еще посещать поэтический семинар в Литературном институте имени Горького. Писать начал рано, первые стихи напечатал в университетской многотиражке. Летом 1941 года вместе с другими студентами роет противотанковые окопы под Ельней. «Человек очень скромный, даже застенчивый, лишенный малейшей рисовки и показного, скорее гражданский, чем военный,—пишет И. Пташникова, его товарищ студенческих лет,—Коля Майоров в то же время был наделен большой внутренней силой, мужественной убежденностью...»

Николай
Майоров

В октябре 1941 года он добивается зачисления в действующую армию. О последней встрече с Майоровым вспоминает Борис Слуцкий: «Был октябрь 1941 года, один из самых тяжелых для Москвы дней октября—16 или 17 число. Немцы наступали где-то у Можайска. Их еще не удавалось остановить... Каждый час тысячи людей уходили на запад, на юго-запад, на северо-запад — на фронт. Другие тысячи уходили и уезжали на восток, в эвакуацию. Вот в такой день на улице Герцена я и встретил в последний раз в жизни Колю Майорова. Какой он был тогда — помню: хмурый, лобастый, неторопливый, с медленной доброй усмешкой на губах. «А я вот иду в военкомат, записываться в армию».

Николай Майоров был убит 8 февраля 1942 года на Смоленщине.

В 1962 году вышла его книга «Мы», а в 1969 году сборник «Мы были высоки, русоволосы...».

Памятник

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорке, где гроб землей накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.

И надписи отгранивать им рано —
Ведь каждый, небо видевший, читал,
Когда слова высокого чекана
Пропеллер их на небе высекал.

И хоть рекорд достигнут ими не был,
Хотя мотор и сдал на полпути —
Остановись, взгляни прямее в небо
И надпись ту, как мужество, прочти.

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память ими взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

1938

* * *

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И бились честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, еще — в бока.
Но на лицо не подымалась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.

И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?
Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.

А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.

1940

* * *

Когда к ногам подходит стужа
пыткой —
В глазах блеснет
морозное стекло,
Как будто
вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло.

А между тем все жизненно
и просто,
И в память входят славой на века
Тяжелых танков
каменная поступь
И острый блеск холодного штыка.

1941

Отцам

Я жил в углу. Я видел только впалость
Отцовских щек. Должно быть, мало знал.
Но с детства мне уже казалось,
Что этот мир неизмеримо мал.
В нем не было ни Монте-Кристо,
Ни писем тайных с желтым сургучом.
Топили печь, и рядом с нею пристав
Перину вспарывал штыком.
Был стол в далекий угол отодвинут.
Жандарм из печки выгребал золу.
Солдат худые, сгорбленные спины
Свет заслонили разом. На полу —
Ничком отец. На выцветшей иконе
Какой-то бог нахмурил важно бровь.
Отец привстал, держась за подоконник,
И выплюнул багровый зуб в ладони,
И в тех ладонях застеклилась кровь.

...Эта девушка вынесла с поля боя одиннадцать могучих, тяжелых, как глыбы камня, раненых — вдруг превратившихся в беспомощных детей — краснофлотцев... Вот мальчуган, любимец разведотряда: на минном поле, когда подорвались и командир, и трое бойцов, он прополз по чуть припудренной первым снегом земле между искусно припрятанными взрослыми, опытными людьми минами, может быть, двести, может быть, триста метров и умело отметил свой путь клочками бумаги (счастье, что ветра не было!), и — трагический мальчик с пальчик! — вывел по ним из страшной ловушки и обожаемого им командира, и остальных товарищей... Вот еще одна девушка — снайпер, на счету которой к январю сорок второго года оказалось полтора десятка крепких, обозленных, опасных, как россомахи в лесу, зверей...

Что сделало их героями? Что научило их стойкости, воинской сноровке, несломимой боевой дружбе и выручке, деятельной, умной ненависти к врагу?

Так начиналось детство...
Падая, рыдая,
Как птица, билась мать. И, наконец,
Запомнилось, как тают, пропадают
В дверях жандарм, солдаты и отец...
А дальше — путь сплошным туманом застлан.
Запомнил только: плыли облака
И пахло деревянным маслом
От желтого, как лето, косяка.
Ужасно жгло. Пробило все навывлет
Жарой и ливнем. Щедро падал свет.
Потом войну кому-то объявили,
А вот кому — запомятовал дед.
Мне стал понятен смысл отцовских вех.
Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

1938

И, разбираясь в этом, я пришел вот к чему: они, юные, смогли стать героями именно потому, что жили, сражались, уходили от смерти и шли на смерть рядом со старшими.

Мальчик, попавший на флот и на фронт добровольцем, потому что «нарушил» — «допустил подчисточку в паспорте» и прибавил себе год или два, сумел стать героем, ибо рядом с ним был старый боцман, воевавший еще в «ту войну»: он не позволил ему сломиться в первом бою, не дал дрогнуть, научил (и сурово научил!) мужеству. Девушка-снайпер выдержала дуэль с гитлеровским асом потому, что ее, вчерашнего «ворошиловского стрелка», опекал и воспитывал весь батальон, и в частности ее прямой учитель, опытный снайпер финской кампании... Отцы и дети сражались рядом, локоть к локтю, рука об руку... И юное поколение, беря взаймы у старшего поколения всю его прошлую жизнь, мужало мгновенно...

Из воспоминаний Л. Успенского

Август

Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблонь, где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды.

Не потому ль, что тени не хватало,
Казалось мне: Вселенная мала.
Движения замедленны и вялы,
Во рту иссохло. Губы как зола.
Куда девать сгорающее тело?
Ближайший омут светел и глубок —
Пока трава на солнце не сгорела,
Войти в него всем телом до предела
И ощутить подошвами песок!
И в первый раз почувствовать так близко
Прохладное спасительное дно —
Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды
(А жизнь идет!), — все глубже и упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилие, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Полдневный зной под яблонями тает
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

1939

Мы

Это время

трудновато для пера.

М а я к о в с к и й

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспячь пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва,
Нам жажда знанием выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

